

Первыми пришли пастухи

Рождество Иисуса Христа пришлось на очень трудные времена — «последок дней», по выражению Апостола Павла, когда мир был обесчещен от опьянений пороком, а нечестие и беззакония людские, кажутся, достигли предела.

В ВЕТХОЗАВЕТНЫХ книгах достаточно vividно были предсказаны и время, и место явления Мессии. Внимательные читатели Библии, исчисляя «седмиды», возмущенные пророки Даниила, где летоисчисление от основания исторических событий, как построение храма и восстановление Иерусалимского храма, вполне могли приблизительно назвать эту дату. Что же до места, то оно прямо предсказано пророком Михеем: Вифлеем.

Ожиданием пришествия Мессии были охвачены не только древние иудеи, но практически весь восточный мир. Персы и халдеи возводили пророчества о Нем к Зороастру, китайцы — к Конфуцию. Святоний свидетельствует: «По всему востоку носилось древнее и постоянное предание, будто бы в пророчествах сказано, что в это время иудеи заведут все». О том же читаем и у Тита Либония, что предположительно рождению Мессии извещает сопутствует образ звезды. «Воссияет звезда от Иакова», — говорится в пророчестве Валаам.

Само рождение Божественного Младенца произошло, как известно, в обстоятельствах чрезвычайных — в дороге. В связи с затенением юлианского календаря праведный Иосиф — муж Марии — должен был отправиться в Вифлеем, как принадлежащий к роду Давида, рожденного некогда в этом городе. Обрученная с ним Мария также не могла, несмотря на то, что была на сносях, остаться дома, поскольку не имея ни братьев, ни сестер, была единственной наследницей имени и родового имущества и потому поддалась перипетиям в дороге. Рождение, рождение которого восходило к легендарному победителю Голиафа. Возможно, что расчеты вавилонян успели обернуться — до Вифлеема три дня пути — и к родам возвратиться в Назарет. Но вышло иначе.

Немного не дойдя до цели, Мария настолько утомилась, что

вынуждена была сойти с осла и немного поспать на большом камне у развилки дорог (этот камень до сих пор, говорят, сохраняется в первоначальном виде). А как только вошли наконец в город, почувствовала, что час настал. В гостинице, однако, мест не оказалось, ввиду большого наплыва прибывших на перепутье. Пришлось расположиться в пещере в окрестностях города, куда во время непогоды загоняли скот. Конечно, ночлег в столь непригодном помещении, а тем более более связан с понятиями неудобства, но, с другой стороны, Мария была избавлена злести от обычной в гостиницах людской суеты, праздного любопытства, пересудов толпы. В пещере пришельцам соседствовали разве что Бог да ангелы.

Мария родила Иисуса без всякой посторонней помощи, и притом безболезненно. Очень поэтично раскрывает природу этого чуда русский святитель Димитрий Ростовский: «Родился от Ней Христос, ах, какой плод от древа... пройдем от Ней Христос, ах, какой плод от древа... пройдем от Ней Христос, ах, какой плод от древа... пройдем от Ней Христос, ах, какой плод от древа...»

Первыми, получившими весть о свершившемся чуде, стали пастухи, расположившиеся на ночлег со своими стадами неподалеку от пещеры. Им сообщили об этом явившийся в ночи в сопровождении небесного

воинства Ангел. Не вельможам и псевдомудрецам, крепко спавшим в этот ночной час, открыта была сокровенная тайна свыше обыкновенного события — они скорее всего не поняли и не приняли бы ее — а простым людям, надевшимся даром искренней веры, именно такие и станут вскоре учениками Учителя, первыми христианами. Демократизм Евангелия и первоначального христианства, сущностно искаженный впоследствии церковниками, очень важно осознавать сегодня. Когда «новые русские», разбогатевшие на грабеже народа, фарисейски красуются в храмах со свечами в руках, это не только смешно, но и богоугодно. Раздай имущество свое нищим, сказал Христос богатому юноше, и тогда следуй за Мною. Такова социальная программа подлинного христианства, его нравственное самосознание.

Вскоре появились у колыбели и иные гости. «Се возсиял от востока приходящий из Иерусалима», читаем в Евангелии. Авторитетные толкователи поясняют, что это были не какие-то колдуны-волшебники, а мудрые люди, наблюдатели звезд. Сколько их было и откуда именно они пришли — об этом комментаторы говорят по-разному. Наиболее авторитетные называют Персию, где долгое время жил пророк Даниил, откровение которого о пришествии Мессии было ведомо тамошним ученым мужам.

Что же касается звезд, явившихся к вифлеемской пещере, Им сообщили об этом явившийся в ночи в сопровождении небесного

● Рождество Господи нашего Иисуса Христа. Гравюра Густава Доре.

разному. Одни, например Кеплер, усматривают за ним реальное небесное явление — сочетание Юпитера, Сатурна и Марса в созвездии Рыб, которое, по мнению тогдашних астрологов, находилось в связи именно с судьбами Иудеи. Другие, подобно Иоанну Златоусту, считают, что к звезду облака некая божественная сила, явившаяся в свое время иудеям в пустыне в виде облачного и огненного столпов, указывавших им путь к земле обетованной. Примечательно, что звезда облетала не где-то в далеких небесах, а двигалась в самых низших слоях воздуха, останавливаясь непосредственно над входом в пещеру Марии и Младенца.

Рядом с поклонившимися Иисусу иноземцами в евангельском повествовании возникает и зловещая фигура Ирода. Мучимый честолюбием и сжигаемый завистью этот не вполне легитимный, как сказали бы сейчас, царь отличался необычайной кровожадностью. Наслаждался убийствами, превращал их в шоу. Например, во время веселого пира велел на глазах гуляк утопить своего шурина Аристобула, первосвященника. Задумав прекрасную женщину Марианну — вдове любимую женой. Зверские инстинкты Ирода распались по мере приближения к финалу жизни, который был страшен, — в своем роскошном дворце он медленно гнил на смертном ложе, покрытый язвами, галиматусом, источавший мерз-

зостное зловоние. Последним его приказом было — собрать представителей знатнейших семейств страны, чтобы прикончить их в момент его смерти. Кстати, наследовавший ему сын Архелай оказался достойным своего папаша — одним из первых его действий стало избиение трех тысяч сограждан в храме.

На фоне подобных зверств убийство вифлеемских младенцев, среди которых, как сообщают Ироду волхвы, должен был находиться родившийся Царь иудейский, в том властью злодей усматривал угрозу своему царствованию. Ведь даже в цивилизованном Риме творилось нечто подобное. Когда незадолго до рождения будущего императора Августа прошел слух, что в Риме родился царь, который покончит с республиканскими вольностями, сенат повелел, чтобы все дети мужского пола, рожденные в том году, были выданы правительству. Такой же, так же сердца и нравы. Как это ни печально, но за два тысячелетия христианской проповеди они не слишком смягчились. Ради политических и материальных выгод власть имущие готовы и ныне лить реки крови, в том числе не в чужих, а в своих детях и стариках. И мы.

Двенадцать дней от Рождества до Богоявления считаются святыми днями — святками. В эти дни раньше колодали и гадали, хотя церковь это, мягко говоря, не приветствовала. Колодки — это хождение по дворам со звездой из разноцветной бумаги и со свечами. И с песнями, конечно, которые в каждой местности были свои, но суть одна — поздравление с праздником.

Что же до гаданий, то их было великое множество. Девушки, например, желавшие увидеть будущее суженого, гадали на зеркала. Надо выйти на перекресток, навести зеркало на месяц и сказать: «Суженой, роженой, покажи мне в зеркале». Если же парень хотел увидеть невесту, то ложился в постель в одном сапоге и загадывал: «Суженая моя, роженая, приходи ко мне и сними с меня сапог. Она во сне являлась и разлучала избранника. Разлука — это обычный очень древний, заведенный еще в языческие времена. В первую брачную ночь невеста должна была разуть мужа, после чего он ее целовал, а потом стегал плеткой — в знак власти над женой.

Владимир ПЕТРОВ.

Завещание Льва Толстого

В Екатеринбурге завершился десятый открытый фестиваль «Правда» кино «Россия».

По признанию жюри, определяющего лучшего кинолента фестиваля, дело не легким — общепризнанного фильма-лидера на фестивале не оказалось, но в целом представленные работы отражали высокий уровень творческого поиска документалистов.

И все же Гран-при присужден кинокартине режиссера Марка Осипяна и Владимира Макадонского «Пассажир поезда № 12. Воспоминания о Льве Толстом». Главные достоинства фильма — в его тексте: он вос-

принимается как завещание великого мастера и мыслителя — по-настоящему и тревожа Льва Николаевича звучат удивительно современно.

Президент фестиваля Клим Лаврентьев сообщил, что следующий конкурс негрового кино обязательно состоится в «рубрике», 2000 году. Его информационная программа станет «Антология кинолетописи России».

Сергей РЯБОВ. (Корр. «Правды»).

Большой юбилей в череде больших дел

2 января Ирине Константиновне Архиповой исполнилось 75 лет. Она — не просто великая певица, равных которой среди современных mezzo-сопрано нет в мире. Она — великий общественный деятель. В годы, когда из-за нищеты и унижения стреляются академики, когда прославленные актеры ради куса хлеба снимаются в неприлично глупой рекламе, когда лобовые пистолеты побили слово «парламент», Архипова спасла советскую интеллигентную школу. Она, как на этом снимке, всегда среди учеников. Ученики, Дашко, Лукьянец, Абрамзон, Гусилов — кем бы они были, чем бы занимались, если бы Ирина Константиновна не была президентом Международного союза музыкантов-деятелей? Как закончили бы новые «звезды», если бы Архипова не создала конкурс имени Глинки, не проводила многочисленные фестивали, без которых меломаны и жизнь не в жизнь?

И она по-прежнему божественно поет. «Выращиваю себе певцов-соперников? Ну и что, мне это только в радость», — смеется Ирина Константиновна. А всем нам в радость ее лучезарный талант, могучий темперамент, во спасение — великое служение Искуству.

Ирина СЕРГЕЕВА.

Руководитель! Бухгалтер! Юрист!

Все законодательство России и Москвы на Вашем компьютере благодаря Справочной Правовой Системе

Заказ каталога правовой документации по телефонам: 962-90-26, 962-90-27, 962-93-29, 962-94-87. На территории Москвы и МО установка демонстрационной версии Системы обучения работе с Системой — БЕСПЛАТНО!

В Санкт-Петербурге газета «Правда» и другие издания продаются в розницу по цене от 20 до 70 копеек в зависимости от количества. «Свет» (ул. Железнодорожная, д. 68, 2-й этаж, ст. метро «Площадь Мужества»). Заказы на доставку газет и журналов по почте принимаются по адресу: ул. Фрунзе, д. 2, магазин «Книга».

Имя, ставшее легендой

В эти дни Дарья Матвеевна Гармаш исполняется 80 лет. Вероятно, что и многие из нас на слуху у многих. Да и как не помнить, не зная этой легендарной советской женщины? В суровые годы Великой Отечественной войны возглавляла она на Рязанской авиастроительной бригаде авиационный завод, поднимала авиационный завод на героический труд во имя Победы над врагом, за честь и свободу Родины Советов. И в послевоенные, мирные дни Дарья Матвеевна остава-

Юбилей знаменитой трактористки Дарьи Гармаш

лась на страже жизни. Более 40 лет в Рязанском районе возглавляла сначала МТС, потом — РТС, «Сельхозтехнику». Стала Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной премии, ее избирали депутатом Верховного Совета СССР. Праздники широко отмечают юбилей Д. М. Гармаш. Областной Думой еще в сентябре было принято по этому поводу специальное решение. В селе Бараново, где базировались возглавляемые Дарьей Матвеевной предприятия и где она прожила долгие годы, сейчас открыт Технический центр ее имени. При этом возмещал его сын инженер Алексей Александрович. В эти дни — немало посетителей на выставках в сельской библиотеке, в Доме культуры. Главная же встреча, посвященная юбилею знаменитой трактористки, прошла в Барановском центре национальной культуры. Примечательно ее девиз — «Счастье длиною в жизнь».

Анатолий ПОНОМАРЕНКО. г. Рязань.

Георгий Васильевич Свиридов уходил из жизни в горестных раздумьях. Время, которое было его временем, которое, при всех изломах и изгибах, текло вроде бы в направлении развития, улучшения, усложнения жизни, — это время помогло создать, к удивлению культуры, Возвращение к музыке, к искусству, к искусству, которое великому композитору уже приходилось испытывать.

Георгий Свиридов: «В 40-е годы я был в опальном положении. Я был объявлен формалистом, самым первым формалистом в Ленинграде, где я тогда жил. Я дожил до сорока лет — и имел только одно казенное сочинение — пушкинские романсы. Остальное не издавали тогда, хотя я получил за Трио Станиславскую премию I степени. Это было в 46-м году, а уже в 47-м начался проработка Зощенко и Ахматовой — это первый сигнал был — и потом постановление Жданова о формализме в музыке. Все мои сочинения, которые лежали в издательстве, мне вернули. Вышли в свет уже позже, после смерти Сталина, когда жизнь началась. А до той поры было очень трудное время. Я работал тогда тапером у Райкина в театре, музыкой ничем не зарабатывал. Годы были очень тяжелыми.

Постановление было написано для всех, а не только для тех композиторов, которые были поименованы в нем. Названы были старшие мастера, их и подвергали критике. Но как раз они, между прочим, к новой конъюнктуре быстрее смогли приспособиться. А вот мое поколение и еще более молодое были очень сильно ущемлены. Я был под строгую цензуру. И тем не менее я не писал сочинений типа «Славяна, Сталена» Писанского прикладной музыки, театральную. Вообще вопрос сложный. Как раз те композиторы, которых критиковали — они и писали «Славяна, Сталена». Шостакович написал «Песнь о лесах», прославляющую Сталина, Хачатурян — «Песню о Сталине». Все почти писали. Такое время было для крупных мастеров. В чем его ужас был? Написаны были слова, в самом постановлении, о художественности, о народности, о классичности — самые прекрасные. А на деле, по существу, было совсем другое. Стали поддерживать элитарные, бесталанные, серые сочинения. Это фаворитство было колоссальное! Написано вроде бы хорошо: надо стремиться к контакту с народом... А какой художник не стремится? Такого не бывает — композитор стремится быть услышанным людьми. Великое искусство обращено все к людям. Таков

Мусоргский или Бетховен: «Обнимите, миллионы». Бетховен обращается к миллионам людей. И все настоящие большие творцы обращаются, говоря торжественно, к человечеству. Но не затем, чтобы специально похвалиться. Нет, на-

стоящий художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам становился историей.

Стоявший художник пишет о том, что его волнует. Но он пишет, чтобы его слышали. Он хочет, чтобы люди сказали, убедить их в чем-то».

(Здесь и далее цитаты из архива автора, выступлений на радио).

Но искусство все же интересовало власть. Художник чувствовал себя нужным. И Свиридов добился полного признания от времени, народа и власти. Вокруг него шла борьба Бернса... «Поэма памяти Есенина...» «Снег идет», «Метель» и «Время, вперед...» Победа — за победой, взлет — за взлетом. А «Патетическая оратория» Кто-то говорил: «Свиридов продавался». А он выражал историю и сам